

“ОСНОВНОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД” РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С “ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИМ МИНИМУМОМ”¹

Экспериментальные методы изучения количественного и качественного состава и других лингвистически значимых характеристик паремиологического состава языка были теоретически разработаны и воплощены на практике в рамках структурной паремиологии. Наибольшую известность получил так называемый “паремиологический эксперимент” Г.Л. Пермякова, основной целью которого было выявить в современном русском языке его “паремиологический фонд” (наиболее употребимые паремии) и “паремиологический минимум” русского языка (минимальный состав пословиц и иных устойчивых изречений, известных всем носителям языка). В результате эксперимента выяснилось, что максимальный объем наиболее употребимых паремий не превышает 500 [Пермяков 1988, 154–166], а минимальное количество общеизвестных русских паремий составляет около 300 единиц [Пермяков 1986].

Несмотря на методологическую оригинальность, гениальную простоту и уникальную масштабность “паремиологический эксперимент” содержал в себе существенные погрешности и ошибки, которые не позволяют считать его результаты объективными. Так, степень общеизвестности и распространенности пословиц, входящих в “паремиологический минимум” Г.Л. Пермякова, значима только, как справедливо заметил А. Крикман, для “данного региона России” [Крикман 1995: 340], и только в отношении той группы носителей языка, которые были избраны информантами. Это легко иллюстрируется примерами общеизвестных русских пословиц, которым не нашлось места в составе “паремиологического минимума”, ср.: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Пар костей не ломит; Хороша Машиа, да не наша* и т. п. В то же время в состав единиц “паремиологического минимума” вошел ряд весьма сомнительных в отношении своей известности каждому русскому человеку пословиц и поговорок, ср.: *<Во всем> виноват стрелочник; Из искры – пламя; Нет розы без шипов (или Розы без шипов не бывает); Шутка шуткой, а дело делом* и т. п.

В связи с определением паремиологического минимума возникает вопрос о его соотношении со всем корпусом паремиологических единиц. Согласно мнения Г.Л. Пермякова, “в паремиологическом минимуме должны быть представлены все основные особенности (закономерности) пословичного фонда в целом. Он должен содержать все типы паремий (с тем, чтобы правильно и равномерно отразить все их смысловые функции) и все возможные типы грамматических (лексико-синтаксических) конструкций”. И далее: “паремиологический минимум какого-либо языка (народа) – это в миниматоре (сокращении до возможного минимума) весь паремиологический фонд данного языка (или народа). Он обладает всеми (или почти всеми) основными особенностями всего паремиологического фонда, т.е. имеет основной набор его реалий, полный набор его логических конструкций и набор его лингвистических образцов разных типов. По паремиологическому минимуму можно изучать все основные свойства паремиологического фонда данного языка (или народа) вообще” [Пермяков 1988, 212–213].

Универсализация качеств “паремиологического минимума” не была доказана Г.Л. Пермяковым на надежном эмпирическом материале, что, однако, не лишает ее очевидных

¹ Статья является сокращенным вариантом доклада, прочитанного на XI конгрессе МАПРЯЛ в г. Варне (Болгария) в сентябре 2007 г.

и весьма существенных противоречий. В частности, “паремиологический минимум” может и не отражать все возможные структурные и семантические типы паремий в данном языке, поскольку, во-первых, качественно ограничен только языковым материалом, содержательно актуальным в тот или иной (у Г.Л. Пермякова – новейший) период развития языка, а во-вторых, во многом детерминирован экстралингвистическими факторами (культурными приоритетами эпохи, разнообразными социальными и демографическими катаклизмами, сменой мировоззренческих парадигм в обществе и т. п.). Уже поэтому “паремиологический минимум” объективно не может, вопреки мнению Г.Л. Пермякова, “иметь основной набор реалий всего паремиологического фонда данного языка”.

Употребительность и эпистемологическая актуальность единиц паремиологического минимума ограничивается только тем или иным периодом исторического развития языка. Поэтому “паремиологический эксперимент” и его результаты соответствуют только одному из возможных подходов к изучению языковой системы – синхроническому. Если же проанализировать корпус пословиц в диахронической точке зрения, то можно выделить определенное количество паремий, значение и лексикограмматический состав которых не изменялся на протяжении многих столетий и которые активно употребляются теперешними носителями языка. Ср., например, в современном словаре русских пословиц и поговорок [Жуков 1991] и в первом из известных рукописных сборников русских паремий XVII века [Повѣсти 1899]: *Ворон ворону глаз не выклюет* – *Воронъ воронѹ глаза не выклюнетъ* (405 – здесь и далее согласно принятой в сборнике нумерации); *Где тонко, там и рвется* и *Гдѣ тонко тамъ и рвется* (577); *Дураков не орут, не сеют, а сами родятся* або *Дураков не сеют, не жнут, сами родятся* – *Дѹраковѣ ни сѣють ни жнѹт сами родятся* (666); *Куда иголка, туда и нитка* – *Куды иголка тѣды и нитка* (1270); *Насильно мил не будешь* або *Силой милому не быть* – *Насилѹ милѹ не быть* (1716); *Пьяному <и> море по колено (по колена)* – *Пьяному и море по каѣна* (1896); *С чужого коня среди грязи долой* – *С чюжова коня сере^а грязи долон* (2130); *Утро вечера мудренее* – *Утро вечера мѹдренѣе* (2315); *Чему быть, того (тому) не миновать* – *Чемѹ быть того не минѹтъ* (2606); *Шила (шила) в мешке не утаишь* – *Шила в мѣшѹ не утантъ* (2648) и т. п.

Совокупность таких пословиц можно определить как “основной паремиологический фонд” языка – множество паремий, которые являются наиболее употребимыми, а это значит и эпистемологически актуальными для носителей языка на протяжении долгого времени его функционирования и по сегодняшний день. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд, таким образом, противопоставляются друг другу на основании глобальной антиномии двух планов анализа языковой системы – диахронического и синхронического, ср. [Иванов 2002].

Категориальным признаком единиц “основного паремиологического фонда” следует считать их устойчивость во времени, поэтому главным критерием включения той или иной пословицы в состав “основного паремиологического фонда” будет являться ее фиксация как в наиболее ранних паремиологических собраниях, так и в современных паремиологических справочниках. Так, например, в словаре русских пословиц (1991) В.П. Жукова и в сборнике русских паремий XVII века [Повѣсти 1899] совпадает свыше 200 единиц.

При выделении “основного паремиологического фонда” возникают две серьезные проблемы. Первая из них связана с ограничением встречаемости той или иной паремии в новейших источниках (не ранее второй половины XX века). Отсутствие фиксации той или

ной паремии может свидетельствовать как о ее выходе из употребления вообще, так и о ее выходе лишь из активного состава паремиологических единиц языка (полностью либо только из его литературной формы) на данном этапе его исторического развития. Поэтому “основной паремиологический фонд” языка целесообразно описывать в виде полевой структуры, которая в диахронической перспективе имеет ядро и периферию. Основными источниками языкового материала при определении ядра “основного паремиологического фонда” могут быть только те собрания пословиц, которые являются наиболее репрезентативными как по количеству, так и по принципам отбора единиц, и достоверно отражают состояние языка в разные периоды его истории.

Вторая проблема связана с наличием большого числа различных структурных модификаций одной и той же паремии в разные исторические периоды развития языка. Ср.: *Без соли, без хлеба худая беседа* [Жуков 1991] – *Бе^з о^бѣда не красна беседа* или *Беседа бе^з хлѣба ни пригожа ни ужожа* (сборник XVII века, см. [Повѣсти 1899]); *Горбатого <одна> могила исправит* [Жуков 1991] – *Горбатаго гро^б исправляеть* (сборник XVII века); *Горбатаго исправит могила, а упрямаго дубина* [Снегиревъ 1848, Даль (1861–1862) 1984, 1, 244]; *Друзья познаются в беде* (Жуков 1991) – *Другъ вѣренъ в напастехъ по^ннавае^тся* (сборник XVII века), *Другъ познается къ нещастіи* или *Другъ познавается при рати, да при бѣдѣ* [Снегиревъ 1848]; *Запас кармана (мешка) не трет (не дерет)* [Жуков 1991] – *Запасъ мешка не портитъ* (сборник XVII века), *Запасъ бѣды не чинитъ* или *Запасъ мѣшку не порча* или *Запасъ чело^вѣка не портитъ* [Снегиревъ 1848]; *Запас мешка не дерет* [Даль (1861–1862), 1984, 2, 4]; *Не велик голык, а бане и он царь* [Жуков 1991] – *Вѣнникъ в мы^не всѣмъ господинъ* (сборник XVII века), *Веник в бане всем господин* [Даль (1861–1862), 1984, 1, 193]; *Против рожна не поперешь* [Жуков 1991] – *Истинно не ложно проти^в рожну прать* не во^зможно (сборник XVII века), *Трудно противъ рожна прать* [Снегиревъ 1848; Даль (1861–1862) 1984, 2, 270] и т. п.

Структурные модификации одной и той паремии в ее филогенезе следует квалифицировать как диахроническую парадигму при условии неизменности семантики данной единицы на всем протяжении исторического развития языка. Лексико-грамматическая форма пословицы может изменяться, но не достигая того предела, когда нарушается симметрия плана выражения и плана содержания. В противном случае мы имеем дело либо с перефразированной пословицей, не синонимичной исходной паремии, либо вообще с двумя генетически разными единицами.

Упомянутый выше корпус пословиц, функционирующих в русском языке на протяжении как минимум последних трех столетий (свыше 200 единиц, совпадающих в словаре [Жуков 1991] и первом рукописном сборнике паремий XVII века [Повѣсти 1899]) можно рассматривать в качестве ядра “основного паремиологического фонда” русского языка.

В составе “паремиологического минимума” Г.Л. Пермякова и ядра “основного паремиологического фонда” насчитывается только 82 совпадения. Если исключить устаревшие пословицы и поговорки (около 15 единиц), то число паремий, не претерпевших за последние три столетия структурных изменений, однако не включенных Г.Л. Пермяковым в паремиологический минимум, составит 113 единиц. Среди них немало таких, общезвестность которых на современном этапе развития русского языка не вызывает сомнений, ср.: *Бог даст день, даст и тищу*; *Ворон ворону глаз не выклюет*; *Давши слово, держись, а не давши, хрепись*; *Долгие проводы – лишние слезы*; *Дураков не сеют, не жнут, сами родятся*; *Запас кармана не тянет*; *Знай сверчок свой шесток*; *Не*

зная броду, не суйся в воду; Пар костей не ломит; По Сеньке и шапка; Седина в бороду (в голову), бес в ребро; Собака лает, ветер носит и т.п.

Таким образом, на примере сравнения наиболее употребимых русских пословиц и поговорок в синхронии и в диахронии можно утверждать:

а) "основной паремиологический фонд" языка является такой же лингвистической реальностью, как и "паремиологический минимум";

б) наиболее употребимые русские пословицы и поговорки не совпадают в синхронии и в диахронии ни качественно, ни количественно;

в) только состав "основного паремиологического фонда" в силу своей безусловной объективности может и должен (вопреки мнению Г.Л. Пермякова) содержать "основной набор реалий всего паремиологического фонда данного языка".

Наиболее актуальным в связи с этим в современной паремиологии видится не столько бесконечное уточнение способов определения "паремиологического минимума" и его квантитативных параметров, сколько разработка принципов и методики выделения и описания "основного паремиологического фонда" для каждого языка (ср., например [Иванов 2006]), что представляется исключительно значимым для квалификации паремиологических единиц как части языковой системы, а также сравнительно-исторического и типологического изучения паремий различных языков мира.

Литература:

Даль 1984: Даль В.И. *Пословицы русского народа [1861–1862]*. В 2 т. Москва 1984.

Жуков 1991: Жуков В.П. *Словарь русских пословиц и поговорок* [1966]. 4-е изд., испр. и доп. Москва 1991.

Иванов 2002: Иванов Е.Е. *О "паремиологическом минимуме" и "основном паремиологическом фонде" русского языка // Dziedzictwo przeszłości językowych, literackich i kulturowych polsko-białosłowiańskich*. Białystok, 2002. Т. VIII, 87–94.

Иванов 2006: Иванов Я.Я. *Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы // Веснік Беларускага дзярж. ун-та. Сер. 4. 2006. № 3, 103–109.*

Крикман 1995: Крикман А. *Паремиологические эксперименты Г.Л. Пермякова // Малые формы фольклора. Сб. статей памяти Г.Л. Пермякова*. Москва 1995. С. 338–382.

Пермяков 1986: Пермяков Г.Л. *300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок = 300 общоупотребителни руски пословици и поговорки: Для говорящих на болгарском языке*. Москва, София, 1986.

Пермяков 1988: Пермяков Г.Л. *Основы структурной паремиологии*. Москва 1988.

Повести 1899: *Повести, или Пословицы всенародныя по алфавиту* // Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрали и приготовили к печати П. Симоны. Санкт-Петербург 1899. Вып. 1 (I–II), 73–162.

Снегирев 1848: *Руския народныя пословицы и притчи, изданныя И. Снегиревым с предисловіем и дополненіями*. Москва 1848.